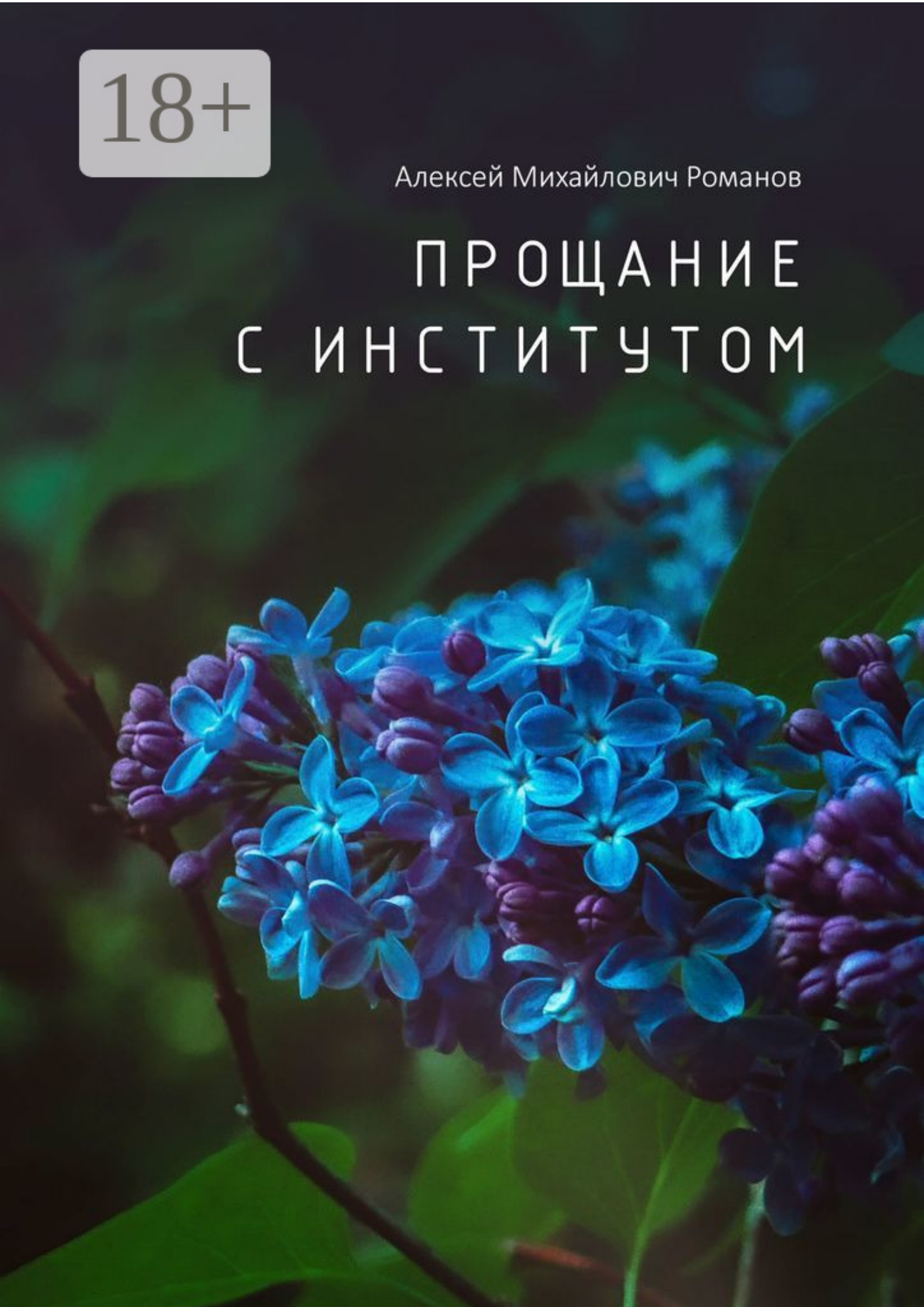

18+

Алексей Михайлович Романов

ПРОЩАНИЕ С ИНСТИТУТОМ

Алексей Романов

Прощание с институтом

«Издательские решения»

Романов А. М.

Прощание с институтом / А. М. Романов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-569908-4

Книга 7. Удачная преддипломная практика обеспечила безукоризненную досрочную подготовку диплома. Неожиданно встретился с суженой. Выбор первый и окончательный. Женился ещё до защиты. В институте безоговорочно вышел на первые места в беге. Несмотря на рост результатов, отказался от профессиональной карьеры бегуна. Защита диплома прошла блестяще. Медовый месяц провел на геологической практике жены, где получил единодушное предложение продолжить учебу в её группе. Поступил на работу в Степногорске.

ISBN 978-5-00-569908-4

© Романов А. М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Дела преддипломные	8
Знакомство	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Прощание с институтом

Алексей Михайлович Романов

© Алексей Михайлович Романов, 2024

ISBN 978-5-0056-9908-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*У нас все впереди. Эта мысль тревожит.
(Шебарини)*

Первым делом по приезду является что? Правильно. Обеспечение жилья. Сразу с вокзала еду в общежитие на перекрестке улиц Большакова и Восьмое марта. Родимый корпус Г. Забегаю в кабинет кастелянши:

- Привет, девушка!
- Привет пропажа!
- С чего это пропажа? На неделю с хвостиком раньше приехал.
- Так ваши дипломники уже почти все тут. Сегодня вечером сбор в комнате Вити Втюрина.
- Ты идешь?
- Да, уже пригласили.
- Порядок, встретимся там. А пока дай ключ от моей комнаты.
- Не дам, там уже Шаркеев. Порфиша тоже, но куда-то убрел.
- Так Шаркеев должен быть у своей жены?
- Да тут целая история.
- Ладушки, сам выпытаю. До встречи вечером, Любушка. Я побежал.

Выскакиваю от кастелянши, подхватываю свои вещички, стоящие у двери, и поднимаюсь на второй этаж в родимую комнату №204.

Дверь открыта, очень смурной Витюша валяется на своей постели. Хорошо, что место за ним сохранили. Все же оженился весной и ушел на квартиру к своей драгоценной. Скушно без этого раздолбая стало. Изображаю из себя Мюллера:

- Так, милАй. Рассказывай, что и как, с кем, когда и сколько раз...
- Да, дура она...
- Вот! С этого места подробнее и с чистой совестью, сознавайся блудня.
- Повела она меня на работу в свой отдел.

И рассказал Витюня душещипательную историю. Подводит его благоверная к стеклянной двери, за которой сидят ее подчиненные. Спрашивает:

- Как тебе нравится вон та девочка, у окошка сидит?
- Вроде очень даже ничего, красивая на личико и фигурка то, что надо.
- Вот она и будет твоей любимой подругой. И мне не вздумай мешать.

Офигевший от «радужной» перспективы Витя молча уходит в общагу. Находит там Игоря и они вместе идут в магазин. Укушиваются до нестояния. На остатках приличия Витя тащится домой и укладывается в прихожей на коврик отдыхать. Ну да. Нормальный русский, в таком состоянии всегда домой возвращается. В смутной надежде на раздувание ситуации и ма-а-ленькой опохмелительной рюмочки.

Крякнула надежда сизой уточкой. Благоверная вытряхивает его из одежды и проверяет карманы. Оба-на. Презервативы, несколько пачек. Одна надорвана и пустая. Отговорка, что они на пару с Порфишей воздушные шарик надували, подвергается разгромному сомнению.

Отстаивая права мужчины, Витя отвечает пару затрещин недоверчивой супруге, обрывает шторы, закутывается в них и укладывается спать на полу в стороне от супружеского ложа. Там его и обнаружил наряд милиции. Выслушав истеричные вопли обезумевшей дамы, парня увозят в трезвяк. Не приняли. Как в гостинице, свободных мест нет. В бессознательном состоянии Витю отвозят в отделение и до утра запирают в КПЗ.

Утром гражданин Шаркеев самостоятельно, исключительно по «собственной» инициативе убирает следы непотребства в камере и тащится на допрос к гражданину лейтенанту. Попытки довести до сознания гражданина начальника весь трагизм ситуации сочувствия не вызвали. Мало того, еще гнусь добавилась. О таких шалостях милиции положено сообщать по месту работы, то есть в институт. А это гарантия отчисления. Хм, на пятом курсе.

Вот тут Витю и унизили. Согласились не передавать сообщение в институт при условии «добровольного» оказания помощи родной милиции: в течение месяца ходить в присутственное место и писать протоколы на таких же как он бедолаг. А куда деваться?

Никто ему не сочувствовал. Вся группа предупреждала на счет неравного брака.

Ладно, поднимаю грустца с его придавленной подушки и тащу на встречу в комнату №213. Там как раз стол накрывают и группа РФ-69-1 потихонечку собирается. Повезло кастелянше Любе с нашей группой – она королева в компании радиоактивщиков. Одна на семь парней. Где ей еще такая статистика обломится? Стол на счет выпивки богатый, закуска скушноватая – колбаса, сыр, тушенка. И хлеб естественно. Торт с водкой – интересное сочетание, на всякий случай отвинтили. Торт, естественно. Для дамы, с ее согласия, только сок и немножко сухого вина, остальным водочка и портвешок.

Как водится, первый тост за тех, кто еще к нам не присоединился. Чтоб им без нас пусто и скушно было. Второй за тех, кто еще не выбрался с поля. Третий – за прекрасных дам. Присутствующая Любана делает вид, что смущается. Наших она всех знает и полностью доверяет.

Хотя хозяин комнаты, похоже скоро будет исключен из этого списка. Он уже заметно набрался, физиономия покраснелась. Рискованные и совсем не дамские анекдоты пытается рассказать. Только никто не смеется. На Втюрина косо поглядывают. А он все прорывается к стакану. Уже перевалил за точку невозврата:

– Люба, попей из моего стаканчика... Люба, пососи через мою трубочку вино из моего стаканчика...

Девушка начинает ерзать. Пытаемся утихомирить Казанову, но тот крутеет на глазах. Поручик Ржевский, блин. Так ведь сбежит от нас единственное украшение нашей пьянки. В общем, выставили вон хозяина комнаты и дверь за ним на ключ закрыли. Думали ломиться назад будет. Но, странная тишина. Наверное, уснул в коридоре или ушел в другую комнату спать. Без разницы. Нам же проще.

Такая домашняя обстановка образовалась, душевно сидим. Треплемся о последней практике, кто где был. По всему Союзу наша группа протоптала дорожки. У каждого свои интересные случаи и встречи. Девушка в такой компании совсем себя сестричкой чувствует, ей в удовольствие. Ну и ладушки. Уже стемнело, но никто не хочет уходить. Да и куда торопиться? До начала занятий еще пять дней. Расслабились, лениво всем. Когда еще удастся так посидеть?

Вот так бы и дальше на этой доброй ноте продолжить. Не получилось. Осторожный стук в дверь. Неужто Витя оклемался? Открываем, там скромный мальчик с четвертого курса. Ему кошмарно неловко, но просит о помощи:

– Извините, пожалуйста. В умывальной комнате ваш товарищ. Не могли бы вы его забрать?

– Он что сильно буйствует? Так мы не слышим.

– Нет. Он ползает по всей умывальне и пытается нас кусать за задницы...

Тьфу. Затаскиваем злыдня в комнату, укладываем его в койку. И ведь моментально отключился. А нам что? Настроение пропало и все разошлись по комнатам. Спать.

Дела преддипломные

В отличие от остальных мне утро похмельного синдрома не принесло. Уже третий год сухой закон блюду. Жить то хочется, да и ребята в курсе, не настаивали.

Пробежался с утра по магазинам, закупился учебными и хозяйственными мелочами. Сходил в деканат, взял список необходимых учебников и расписание занятий. Зашел в лабораторию геофизических проблем, Серкова там застал. Он и рассказал, что после моего отъезда из Новой Туры работа отряда порушилась. Все со скандалом отказались работать с моим прибором. Тяжеловат он оказался. Без спортивной подготовки с ним по лесам и болотам не побегаешь. Да и погода на участке окончательно испортилась, снежок начал срываться.

В общем некорректно с моей стороны получилось. А что делать? Кому сейчас легко? Вот не хочу больше в больницу попадать. Пусть даже гадом выгляжу.

Съездил на три дня в Верхний Уфалей к бабушке и дедушке. Приятно стариков проводить. С двоюродными братьями особой охоты встречаться нет: кто потихоньку спивается, кто в армии. Даже друг Вовка Сонин, сосед, и тот куда-то исчез, чему дед обрадовался. Оказывается, тот был главным огородным вредителем. Огурцы по ночам тырил, исключительно из любви к искусству. Не ожидал.

Вот так исчезают детские связи. Ну что же, пора возвращаться в институт. Совсем немножко осталось до самостоятельной жизни. Начинается последний учебный семестр. Затем написание диплома.

В институте скучать не дают. Однокурсницы, как с ума посходили, глазки строят, рвутся замуж. Последний год учебы, пора личную жизнь устраивать. На лекциях присосеживаются, по киношкам и театрам заманивают. И красавицы, и умницы, но что-то никакого отклика в душе не вызывают. Одна даже изъявила страстное желание ходить со мной на тренировки в ШВСМ. Тренер, узнав о такой любви к спорту, ухмыльнулся фирменным крокодильим оскалом и заявил:

– Сам будешь ее тренировать. В свободное от тренировок время...

Перспектива меня не вдохновила. Вежливо отвинтил девушку.

Из всех предметов последнего семестра только два оказались определяющими:

– Нейтронные методы. Один из главных методов будущей профессии. Его читает Возжеников Геннадий Сергеевич. Очень непредсказуемый преподаватель, способный выгнать из института даже дипломника. Его лекции подлежат самому тщательному конспектированию, ведь литературы по ним во всем Союзе нет. Особенно применительно к геофизическим поискам.

– Научный коммунизм. Завал по этому предмету означает отчисление из института. Читает старенький полковник. Заслуженный ветеран войны. Здесь конспектировать не особо требуется – учебников и справочников завались. Требуется только уважение к преподавателю и его предмету демонстрировать. Поэтому никаких увиваний под видом свободного спортивного графика.

Вот только весь курс на его лекциях посмеивался и нагло передразнивал. Нет, ну надо же было так громогласно заявить:

– Знаете слух о том, что гречка скоро исчезнет с прилавков? И это при том, что все склады ломятся от нее. Так нашлись дурни, которые ванны заполнили крупой. Не допустят наши партия и правительство подобного вредительства.

Для нас это было новостью. Через месяц гречка из магазинов исчезла. И появилась только через пять лет. В ограниченных количествах.

А его манера читать лекции:

– Эти буржуазные прихвостни...

При этом выражение лица становилось деревянным, указательный палец боком прижимался к виску. Как антенна. Иногда до него доносилось хоровое: «Пик-пик-пик» – сигналы первого спутника земли. Полковник делал вид, что не слышит.

Он тоже приветствовал систему автоматов для тех, кто активничал на семинарских занятиях. Чем я по старой привычке и воспользовался.

На военной подготовке мне по-прежнему не разрешали манкировать. Да и ладно. Пере-терплю. С остальных лекций бессовестно линиял. Чувствовал, что не пригодятся в будущем. Ну нафиг радиоактивщикам региональная геология с ее теориями тектонических плит? Ну и остальное в том же роде. Зато почти каждый день часа на два-три зависал в вычислительной лаборатории, которой командовал мой бывший записатор Серков Владимир Алексеевич. Хорошо мы с ним сработались на преддипломной практике. Кроме меня там постоянно околачивались Шаркеев и Порфиша. Больше никого в лабораторию Серков не допускал. Сплошной блат: со мной – понятно, Порфиша – сводный брат Серкова, а Витюша – лучший друг Порфиши.

Этим двоим разрешалось иногда поработать на «Наири» – одной из самых продвинутых ЭВМ в нашем институте. О БЭСМ даже никто и не мечтал. А мне почти на месяц выделили в полное пользование лабуду по имени «Проминь-2».

Естественно, на ней я считал специальную главу для диплома: решение задачи эффекта вызванной поляризации для шара в бесконечном пространстве. Заранее знал, что решаемый ряд будет очень медленно сходиться. Серков это понимал и со сдержанным ехидством наблюдал, как я выкручусь из этого положения. Не знал, что у меня фига в кармане: когда видел, что скорость счета начинала уменьшаться и принтер срабатывал на печать через минуту и реже – то просто вручную останавливал счет и переходил к расчету значений для другой точки. От такой наглости у Владимира Алексеевича челюсть отвалилась. А что, хороший выход из положения – иначе просто не хватило бы места на панели для втыкаемых штырей с командами.

Просчитал успешно. Ну вот, теперь весь материал в сборе и можно писать дипломный проект. Не торопясь и обстоятельно. Именно писать, так как это требовалось правилами. Работы, напечатанные машинками, к рассмотрению не допускались.

Все шло по плану и у меня появилось много свободного времени. На тренировки ходил без пропусков, нужные лекции посещал. Даже возобновил походы в школу бальных танцев. Очень помогли предыдущие занятия во время учебы на втором курсе. С первого же занятия ищу себе партнершу, с уверенными движениями и хорошей пластикой. Сразу обнаружилась. Мышка серая, но движется как кошечка и все движения ей похоже очень хорошо знакомы.

На втором занятии уже танцевал с ней в паре. Слушается она замечательно, вести не пытается. Особенно хорошо венский вальс получился. И так свободно двигались, что с первых же движений почувствовал удовольствие.

Вот идем по кругу, отшелкивая повороты. Краешком глаза замечаю замешкавшуюся впереди пару. Сейчас врежемся. Пытаюсь притормозить и вижу, что нас догоняет вторая пара. Хоть тормози, хоть ускоряйся – результат одинаков. Если продолжать в том же духе, то получится сэндвич из трех пар, причем лежащий на полу. По наитию перехожу на спин-поворот медленного вальса, которому нас не учили. И по дуге выскальзываю из сцепки, не задев никого. Партнерша смотрит на меня ошалело, прочувствовала момент. Подстраиваясь, она также выполнила эти движения. С ума спрыгнуть. Прямой шаг назад, еще один спин-поворот и мы снова вышли в движения венского вальса, почти не исказив линию танца и полностью сохранив ритм. Преподаватель танцев смотрит на нас очень внимательно, но не комментирует.

Обе суматошные пары лежат на полу. Помогать бедолагам никто не стал – не принято, да и сами виноваты. Похоже они заметно пострадали. Скорее всего морально. Больше на занятиях их не было видно. Да, уж. Спортивная подготовка и моментальное решение ситуации нас здорово выручили.

После занятий, соблюдая политес, провожаю партнершу домой. Все-таки одинокая девушка на улицах ночного Свердловска – не комильфо, укор совести. Довожу до дверей квартиры, сдаю на руки родителям и растворяюсь в туманной дали. И никаких обжиманцев, чем похоже ее разочаровываю.

Знакомство

Незаметно подкатил праздник 7 ноября. Как обычно, на демонстрацию не пошел, других дел было невпроворот. Вечером иду на общую пьянку нашей группы с приглашением дам из соседних групп. Тяжело трезвому сидеть в пьяной компании. Но тут наши парни предложили маленькое развлечение: танцы в рабочей комнате. Все как обычно. Магнитофон орет, обжиманцы в темноте идут вовсю. Нашел незнакомую девицу, потанцевал с ней. Она побаивалась наших парней и не отпускала меня ни на шаг. Не очень девушка меня вдохновляла своими липкими ладошками, да и волосы у нее показались не очень чистыми. Потихоньку танцоры рассосались, ушли продолжать банкет. Дама, похоже, не желает меня отпускать. Пора предпринимать кардинальные меры. Бежать надо.

И тут замечаю, что еще одна девушка стоит без партнера. Под предлогом, что ей тоже нужно повеселиться, смываюсь к ней. Приглашаю, протягивая руку. В ответ изящный, насмешливый книксен и легкое укладывание руки мне на плечо. Ладошка доверчиво так идет в мою. И мы спокойно и четко вальсируем. Танец меняется на быстрый, типа рок-н-ролла. Не размыкая рук, отрабатываем джайв в медленном варианте. Налету все схватывает. Никаких обжиманцев. Мне другой партнерши не надо. И такая чистенькая. Как бы ее не обидеть?

Долго мы кружились в этой комнате, пока не пришел хозяин музыки и не унес ее к себе. Познакомились. Причем партнерша настолько смушалась, что представилась настолько тихо, что я неправильно услышал. Показалось «Люба». Так и проводил «Любу» до дверей ее комнаты.

Утром, зашел в ее комнату. Ни фиги себе, там обитает дама, с которой я выплясывал вначале. Спрашиваю:

– Можно Любу?

– Во-первых, не Любу, а Люду. Рябушкина она. А во-вторых, что девочку обидел и теперь извиняться пришел? На занятиях она. Придет вечером.

В этот же день случилось интересное событие. Куратор нашей группы от военной кафедры капитан Агапов вламывается на практические занятия по региональной геологии. Делает срочное объявление: трех студентов-кандидатов на службу в Советской Армии завтра направляют на военную комиссию. Я оказался этом числе. Ребята ошарашены:

– Романову нельзя, тяжело переболел. Его никакая комиссия не пропустит.

– Чего?! Кончайте парить мне мозги. Парень на первых ролях в институте по спорту, практически отличник по всем предметам и по военной подготовке. Он вообще номером первым идет!

Рявкнул адрес комиссии и упылил к себе на кафедру. Ребята пытаются мне сочувствовать, я только ухмыляюсь: даже если комиссия пропустит все равно не пропаду. Служить мне в спортроде. Там меня наверняка уже дожидаются. Из Свердловска не отпустят. Вечер был занят поисками моего военного билета и медицинских справок. Даже в общежитской камере хранения среди моих старых вещей пришлось рыться. Потом уже поздно было идти к Люде.

И вот с утра пораньше стою перед комиссией. Ее члены ошарашено смотрят на очень противоречивые бумажки. С одной стороны – тяжелейшая форма практически неизлечимой болезни, а с другой стороны – чемпион института по бегу. Это как так?

– Слушай, парень, ты действительно этим болел?

– Так точно. Полгода в больнице, как с куста.

– И как ты собираешься служить с таким?

– Если Родина приказывает, то отслужу. Без проблем.

Продолговато члены комиссии спорили и наконец выдали компромиссный вердикт:

– Направляется на строгое медицинское обследование в физкультурный диспансер.

Ню-ню. Заведение, где я отлежал начальные четыре месяца лечения. При мне позвонили в диспансер главврачу и приказали принять меня на обследование с сегодняшнего дня. Дали пару часов на то, чтобы заехать за вещами в общагу и прибыть в больничку. Люмпф.

Времени в обрез. Залетаю в общагу, хватаю спортивное барахло, денежку. Пишу письмо Люде с извинениями, что не могу объявиться из-за проблем с больницей. Предупредил, что ничего страшного, просто проверка по военной линии.

Прибыл в диспансер вовремя. Захожу в кабинет главного врача и выпадаю в осадок. Здравсьте пжалста. Это мой бывший лечащий врач. У нее глаза стали квадратными, сама зеленеет на глазах:

– Ты еще живой?!

Ее трясет, как будто увидела привидение. Успокаиваю:

– Да живой, живой. И в полном порядке.

– Не может быть...

У самой челюсть трясется и ручонки суетливо шарят по столу непонятно зачем. Ну успокойся, как мог. Минут через десять пришла в норму. Жадно спрашивает как, что и почему... Мне не жалко. Рассказал, как лечился, затем выкарабкался от последствий лечения, восстановил физическую форму и снова лидер по бегу в институте. Не верит. В бумажках роется:

– Так, РОЭ – идеальное, а раньше вообще меньше пятерки было, гемоглобин – как у деревенского парня... Ты, что яблоки ящиками ел? Раздевайся. Хм, кожных высыпаний нет... Подвигайся...

Выдаю ей комплекс йоги. Она орет:

– Прекрати немедленно. Тебе же нельзя...

– Простите? Вы приказали – я показал.

– Ладно, давай ты у нас полежишь дней десять. Я тебя детально обследую.

Понятно, если откажусь грядут нехорошие последствия. Тренинги с комиссией, еще куда-нибудь в исследовательский институт засунут в виде подопытного кролика. До нашего горного института дойдет. Оттуда могут и обязаны турнуть по здоровью даже дипломника. А мне это надо? Нет, буду заглаживать. Пришлось соглашаться.

Повела меня врачиха по палатам, своими больными хвастается. Болящие спортсмены на меня очень криво косятся. Она же заливается как гид перед туристами:

– Вот у этого мальчика РОЭ сейчас даже ниже, чем у тебя было.

Ну-ну. Лежит нечто рыхлосвязанное. Немочь бледная. Какой, к черту, спортсмен? Блин, кунсткамера. И я один из ее экспонатов? Ничего, временно потерплю.

По ходу обговариваю свои предпочтения. Тренировки разрешаются, выход за пределы диспансера в любое время после утреннего обхода и обследований. Никакого лечения. Время пребывания в больничке – не более десяти дней.

Сдаю гражданскую одежду в камеру хранения, переодеваюсь в спортивный костюм, оставляю себе курточку и кроссовки. Затем меня отправляют на место лежки.

В палате из всех удобств только койка с провисшей сеткой. Прикроватных тумбочек нет. Соображение у соседей – пещерное. Хорошо, хоть тихие. На цырлах ходят. Не будут мешать возиться с дипломом. Нашел стул, поставил рядом с изголовьем. Разложил свои бумажки. И до отбоя занимался писаниной лежа в постели. С перерывами на питание.

Семь часов утра. Подъем. В спортзал бегом. Маленький оказался, зато с зеркалами во всю стену. Для балерин и боксеров. На первом же круге увидел парня, бегущего навстречу. Да красиво так, не придерешься к технике. Тыфу, да это же я сам. А ничего так, есть на что посмотреть. Затем общая разминка и йога. Кроме меня в зале никого, никто не тарашится. Хорошо позанимался. Чуть на анализы не опоздал, это те, которые на голодушку надо делать. Завтрак и опять анализы. Плотно меня обследуют. Встретился со знакомыми медсестрами и лаборантками, хорошо так пообщались. Да и вообще весь диспансер радовался, что мне удалось выка-

рабкаться. Пожелали удачной службы в армии. На это осталось только гмыкнуть. Но как приятно...

В четыре часа заходит в палату медсестра. Многозначительно так улыбается:

– Топаи в вестибюль. К тебе пришли.

Интересно, кто бы это? Аж сердчишко подпрыгнуло: Люда. Стоит красавица, чуть не плачет, за меня тревожится. Мою записку получила и ринулась на поиски. Представляю: и ребят допросила, деканат и военную кафедру перевернула. Но добилась. Узнала адрес. На душе так приятно потеплело. Да не плачь девочка, все в порядке. Живой я и невредимый. Это только бюрократические прибабахи. Вот ни фиги себе, да так только родные обо мне переживают.

Забираю свою курточку, и мы уходим в город. Спрятавшись в дендрарии, занимаемся очень серьезным делом – целуемся.

Спихватились только когда темнеть начало. Пришлось бежать в диспансер – на очередные анализы пора. Ну, опоздал. Бывает. Глядя на мою счастливую физиономию, лаборантка выговаривать не стала. Понятно, женский коллектив... Им такое приятно, особенно когда сияют их подопечные, пусть и давние. Даже врачиха следующим утром на меня многозначительно поглядывала.

Так, до обеда еще три часа. Переодеваюсь и бегу на стадион. По расписанию сегодня скоростная работа в бараке. Кроме меня там Цыбин с какой-то девочкой, лет десяти-двенадцати. Видимо дичайший талант, поскольку тренер обычно терпеть не может присутствия девушек в подопечном коллективе. А он не только командует, но и прислушивается к ее мнению. Надо же, соплюха критикует мой стиль бега, видите-ли я припадаю на правую ногу... Да и фиг с вами обоими. Буду еще портить свое чудное настроение.

На соседней дорожке наш школьник, чемпион России по юношам, поставил барьеры и классно берет их. И тут у меня в мозгу что-то щелкнуло: понял, как надо бежать. Взял и пробежал его барьеры раз, пробежал два. Все безукоризненно, самому нравится. Это на барьерах с максимальной высотой.

Оглядываюсь: Виктор Константинович челюсть уронил, девчонка ошалело вылупилась. У меня техника оказалась лучше, чем у нашего чемпиона. Константиныч недоуменно так:

– Ты что, по ночам тренировался?

– Зачем? Только сейчас сообразил. Присмотрелся, как Коля бегаёт, прикинул на себя, сильно захотел и все получилось...

– Так не бывает!

– Сам в шоке.

В принципе и так понятно: физическую форму накачал, наглость тоже, а йогой растяжку сделал. Между прочим, некоторые упражнения бабоньки на стадионе у меня подсмотрели и всюю перед мужичками красуются.

Ну и самое главное – у меня появилась Люда...

Честно отлежал все десять дней. Врачиха так кровожадно на меня смотрела, что заранее стал отбрыкиваться от продолжения. Но она ограничилась торжественным обещанием:

– И не проси. В армию все равно не пушу.

– Да ладно, не сильно то и хотелось...

– Кончай врать, на твоей хитрой роже это вот такими буквами написано. Лучше перечисли, что тебе категорически нельзя.

– Переохлаждение, недосып, водка, чай и халва.

– А мордобой?

– В умеренных количествах можно.

Это она мне напоследок полный осмотр не устроила. Хорошо, а то красные пятнышки (точечные кровоизлияния под кожей) вдруг полезли. Не иначе, как условный рефлекс на больничку. Явный показатель, пора литься из этой богадельни.

Написала отрицательное заключение с категорическим отвинчиванием от армии.

Напоследок врачаха попыталась закатить пробный шарик:

– Давай, как выберешь время, зайди полежать к нам на месячишку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.